

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ АНТИФАШИСТСКОГО НЕМЕЦКОГО НАРОДНОГО ФРОНТА И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ НЕМЕЦКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ: ПРОСОПОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

С. В. Солодовникова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 3 октября 2017 г.

Аннотация: анализируется влияние и непосредственное участие деятелей Пангерманского союза в идейном и организационном оформлении национал-социализма в Германии в просопографическом контексте.
Ключевые слова: вильгельмианская эпоха, национализм, Первая мировая война, Веймарская республика, Пангерманский союз, национал-социализм.

Abstract: the article examines the influence and participation of persons Pan-German League in the ideological and organizational design of national socialism in Germany in the prosopographic context.

Key words: Wilhelmina era, nationalism, First World War, Weimar Republic, Pan-German League, National Socialism.

В зарубежной историографии последних десятилетий принято не столько говорить об общих чертах между ADF (Антифашистский немецкий народный фронт) и NSDAP (Национал-социалистическая немецкая рабочая партия), сколько делать акцент на том, что их разъединяло. В то же время между этими организациями существовали тесные взаимосвязи, особенно на начальном этапе существования нацистского движения.

Уже перед Первой мировой войной ADF признавал необходимость распространения националистических идей среди рабочих. В 1916 г. был создан Независимый комитет за Германский мир, в 1917 г. основана DFLP (Немецкая отечественная партия). В обеих организациях пересекались персоналии, обе они находились под влиянием ADF и стали первыми предшественниками NSDAP. Однако установить прочное и широкое влияние в рабочей среде этим организациям не удавалось, о чем свидетельствует пример созданной под патронажем DFLP в 1918 г. Германской партии рабочих и служащих (DAAP) [1, S. 59].

Рафинированные националисты и антисемиты вильгельмианской эпохи были далеки от пролетарской массы, находившейся к тому же под мощным и устойчивым влиянием социал-демократов. Затем в январе 1919 г. была создана Германская рабочая партия (DAP), в которую в сентябре 1919 г. вступил Адольф Гитлер. В начале 1920 г. она была переименована в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (NSDAP). Ее первые местные груп-

пы появились в Баварии и Западной Германии, где пангерманцы зачастую помогали им в организационном и финансовом отношении. Например, многолетний мюнхенский издатель пангерманской литературы Юлиус Фридрих Леман, давний участник ADF, стоял у истоков нацистского движения в его будущей столице. Он сам финансово поддерживал DAP (NSDAP) и выступал посредником капитала тяжелой индустрии. Другой видный деятель пангерманского движения, Теодор Райсман-Гроне, поддержал образование местной группы NSDAP в своем родном Эссене [2, S. 205].

Организационное взаимодействие во многом было вызвано не только стремлением пангерманцев вырвать из-под влияния социалистов рабочих, но и существенными пересечениями идеологических установок с национал-социалистами. В риторике последних категории «фёлькишское государство», «жизненное пространство», «диктатура», «фюрер», опиравшиеся на мощный антисемитизм и расизм, звучали очень отчетливо. Во внешнеполитическом плане обе группы сближала жесткая критика республиканских властей. Вместе с тем Пангерманскому союзу были чужды некие квазисоциалистические интерполяции нацистов.

Таким образом, связи между ADF и NSDAP в организационном и идеологическом отношении были поначалу очень тесны, тем не менее сразу же обозначились и серьезные отличия в структуре (союз-партия), в возрастном и социальном составе обеих организаций, ментальных установках их членов и вытекающем из этого образе политических действий, особенно в использовании современных СМИ. Если

Пангерманский союз был неразрывно связан с вильгельмианской эпохой, создавался в качестве союза и объединял представителей «старшего поколения» (по крайней мере, при Веймарской республике и Третьем рейхе), то NSDAP можно охарактеризовать как отчетливо более радикальную и современную по своим средствам и методам массовую партию. Пангерманский союз был скорее элитарной организацией интеллигенции и буржуазии. NSDAP имела более широкую социальную базу и стремилась оказывать влияние на народные массы; в соответствии с этим она выстраивала свою тактику. Председатель Пангерманского союза Генрих Класс называл ADF «отцом» NSDAP: «Он наложил на нее свой отпечаток в содержательном отношении и поддерживал финансами, однако в конце концов “дитя” оторвалось от него, превзошло его во влиянии и полностью вытеснило из общественной жизни, в итоге запретив его...» [3, S. 124].

Связи с ADF уже на раннем этапе существования NSDAP прослеживались и на персональном уровне. Юный Гитлер в Вене находился под влиянием австрийских пангерманцев и усвоил многие из их принципов. В то время была чрезвычайно популярна работа Класса «Если бы я был кайзером». В ходе процесса вокруг путча в ноябре 1923 г. Гитлер охарактеризовал свою идеологическую позицию ко времени переезда в Германию следующим образом: «Я приехал из Вены абсолютным антисемитом, смертельным врагом марксистских идей, пангерманцем по мировоззрению» [4, S. 82].

Летом 1920 г. NSDAP попала в поле зрения руководства Пангерманского союза благодаря своему неординарному оратору Адольфу Гитлеру и быстрому росту популярности. В феврале 1920 г. Гитлер огласил свою знаменитую программу из 25 пунктов в мюнхенской пивной, вызвав овацию. Класс заострил внимание на содержащемся в ней тезисе об исключении евреев из немецкого народного и государственного сообщества. Экономические цели нацистов он, естественно, не мог разделять. Социализация хозяйства через огосударствление предприятий не соответствовала его мировоззрению. Не обращая внимание на это, Класс проявил большой интерес к политической деятельности NSDAP. Хопфен, через которого к Классу попала программа национал-социалистов, отвез в августе 1920 г. посылку Гитлеру с 3 тыс. марок [5, S. 286].

Во время съезда национал-социалистов 7–8 августа 1920 г. в Зальцбурге Хопфен сам имел беседу с Гитлером. После нее он доложил своим пангерманским поручителям о существенном совпадении политических взглядов. Речь «народного трибуна», как Хопфен назвал Гитлера, была столь блестящей, что он тут же предложил ему выступить с докладом на

ближайшем пангерманском съезде. Однако Гитлер отреагировал сдержанно: такое выступление могло быть неправильно понято его сторонниками. Он не желал, чтобы его воспринимали как ставленника пангерманских промышленных кругов, но в то же время очень надеялся на их финансовую поддержку. Так, ему были нужны деньги для организации двухнедельного пропагандистского турне по Австрии (в размере 1000 марок). Класс беспрекословно выделил требуемую сумму [6, S. 59]. В Гитлере Класс увидел потенциал, с помощью которого ненависть широких масс рабочего класса по отношению к капиталистам можно было привлечь в пользу национального дела. Класс лелеял надежду, что эта давняя цель пангерманцев наконец станет действительностью. Пангерманский союз никогда не располагал собственными средствами для достижения этой цели [5, S. 287].

Дату первой личной встречи Класса и Гитлера в 1920 г. трудно установить точно на основе имеющихся источников. Свою первую поездку в имперскую столицу Гитлер совершил по поручению своего покровителя Карла Майра вместе с фелькишским публицистом Дитрихом Экартом во время путча Каппа-Лютвитца в середине марта 1920 г. Экарт ввел своего важнейшего пропагандиста в круг ведущих представителей правых националистов, среди которых был пангерманец граф Эрнст цу Ревентлов. Возможно, тогда же состоялась и первая встреча Гитлера с Классом [4, S. 63].

В своих воспоминаниях Класс писал, что сначала воспринял Гитлера как навязчивого и даже бестактного субъекта. Класс отмечал, что Гитлер приветствовал его поцелуем руки и представился как верный ученик пангерманцев, с восторгом прочитавший его «Германскую историю» и «Если бы я был кайзером». Установить достоверность данного пассажа не представляется возможным. Во время своего монолога, сопровождавшегося дикой жестикуляцией, Гитлер так сильно приблизился к Классу, предпочитавшему держать дистанцию, что тот ощутил нечто вроде дурноты [7, S. 192]. Безусловно, поведение мюнхенца не соответствовало привычным для Класса стереотипам поведения. Также произвольность, с которой Гитлер был готов адаптировать свои программные установки к потребностям широких народных масс, не соответствовала консервативной системе ценностей Класса. Класс описывает Гитлера как политического дикаря, который благодаря своему истеричному многословию оказывал мощное воздействие на массы. Однако после провала путча 1923 г. Класс серьезно усомнился в политических способностях Гитлера, а также указывал на отсутствие у него интеллектуального багажа [8].

Класс, несмотря на неблагоприятное впечатление, произведенное Гитлером, стремился использовать его

пропагандистские способности на благо ADF. Тем более что они произвели большое впечатление на пангерманцев: в 1920 г. Гитлер выступил на 30 массовых собраниях, где присутствовало от 800 до 2500 слушателей. Пенер, посредник в переговорах между Гитлером и Классом, дал понять, что при соотвествующей финансовой поддержке тот готов активизироваться и в северной Германии [5, S. 289].

Тем не менее Гитлер появился в Берлине по совершенно другому поводу. Он был очень заинтересован в финансовых контактах с пангерманцами и сообщил о приобретении NSDAP «Фелькишер Беобахтер» и о предстоящих расходах в 60 000 марок. Данному предприятию Класс придавал большое значение, однако был не в состоянии достать эту сумму из кассы ADF или «Германской газеты». Он обратился к меценату Отто Гертунгу, генеральному директору Гамбургско-аугсбургской машинной фабрики. Гертунг не отказал, однако ему требовалось время, чтобы получить одобрение на выделение этих средств.

В конце мая 1921 г. оказалось, что мюнхенские предприниматели не желают раскошелиться на поддержку национал-социалистического движения. Они считали, что Гитлер не в состоянии получить массовую поддержку рабочих, что его социальная база ограничится, главным образом, студентами и служащими. Когда Класс пытался подчеркнуть, что Гитлер может способствовать укреплению антисемитских настроений в широких массах и вбить клин между социалистическими партиями, ему возражали, что ущерб от его отравляющего воздействия на молодежь сейчас намного ощутимее, чем гипотетическое достижение обозначенных Классом целей [Ibid., S. 290]. В то время Гитлер воспринимался исключительно как талантливый агитатор, определение «фюрер» начинает закрепляться за ним лишь с осени 1922 г.

В то время как он пытался в Берлине достать средства для безденежного «Фелькишского обозревателя», в Мюнхене разгорелся внутрипартийный кризис, завершившийся два месяца спустя передачей руководства партией Гитлеру. На чрезвычайном собрании членов партии в конце июля 1921 г. Гитлер смог, наконец, закрепить свои позиции. Собрание внесло существенные изменения в программу, предоставив новому председателю диктаторские полномочия. После июльского кризиса Гитлер официально заявил пангерманцам об отказе активизироваться на севере Германии. Он ссылался на невозможность своего долгого отсутствия в Мюнхене. Позднее Класс неоднократно высказывался об этом крайне разочарованно. Но это не помешало ему сохранять стремление достичь с Гитлером соглашения [4, S. 68].

В 1922 г. Классу удалось достать необходимые 60 000 марок, которые он был готов передать Гитлеру в случае, если тот обещает привести свое движение и в Берлин. С обеих сторон существовала взаимная заинтересованность в сотрудничестве. В Мюнхене через издателя Леманна пангерманцы с самого начала финансово, организационно и идейно поддерживали национал-социалистическое движение [9, S. 480]. Однако стремление председателя союза использовать нацистское движение в качестве инструмента пангерманцев в Северной Германии не было реализовано.

Неспособность праворадикальных организаций и фелькишских союзов объединить свои силы препятствовала созданию дееспособной правой оппозиции. На фоне перманентной борьбы внутри правого лагеря, с одной стороны, и неспособности республиканских кабинетов противостоять давлению держав-победительниц, с другой стороны, Класс в начале 1920-х гг. реанимирует свою давнюю идею о диктатуре. На протяжении 1921–1923 гг. он настойчиво пытается добиться внесения изменений в программные принципы Пангерманского союза, закрепив в них тезис о диктатуре как единственном пути выхода из глубочайшего кризиса, в котором оказался немецкий народ после проигранной войны. Он принимает участие в разработке так называемой «Чрезвычайной конституции», текст которой перерабатывался в том числе и в национал-социалистических кругах [5, S. 303–304].

Для осуществления государственного переворота была необходима военизированная поддержка, и Класс надеялся получить ее от отрядов самообороны, однако их роспуск летом 1921 г. нивелировал эту возможность. Тем не менее в Баварию стекались запрещенные в других землях милитаризированные объединения. Помимо контактов с NSDAP Класс установил связи через Кара и Пенера с известным в правых кругах командующим военным и добровольческим корпусом Германом Эрхардтом. Как известно, Эрхардт сформировал террористическую организацию «Консул».

Имеющиеся в нашем распоряжении источники не позволяют детально определить, насколько Класс был посвящен в деятельность этой организации. Точно установлено, что уже с 1919 г. существовали тесные связи между фелькишско-радикальным DFSTB и морской бригадой Эрхардта, а также преемником этой организации. Обоих террористов, которые в конце августа 1921 г. хладнокровно расстреляли Маттиаса Эрцбергера (политика партии «Центр»), Класс назвал «ослепленными фанатиками» с добрыми намерениями. Признавая это убийство соответствующим национальному инстинкту, Класс отвергал теракт как политический инструмент. Тем

более теракт, не увязанный с планами дальнейших преобразований.

После встречи с одним из представителей Эрхардта в начале 1922 г. он констатировал единство взглядов и отметил, что сотрудничество – верный путь [Ibid., S. 305]. Очевидно, что Класс рассчитывал использовать организацию Эрхардта в своих политических целях, в то время как того больше интересовали источники финансирования. Эрхардт не планировал будущее, «Консул» пытался разрушить республику здесь и сейчас.

Покушения и убийства 1922 г. (например, Вальтера Ратенау) привели к появлению закона о защите республики от 21 июля 1922 г., согласно которому 120 правых организаций были запрещены, в том числе «Консул» и DfSTB. В Гамбурге, Тюрингии и Шаумбурге-Липпе полиция распустила также местные группы Пангерманского союза. Основанием стало определение ADF как «враждебной государству организации, стремящейся к уничтожению законной республиканской формы правления посредством диктатуры». Тесные связи союза с другими враждебными республике организациями (Младогерманским орденом, DfSTB, Германским орденом и Стальным шлемом) убедили рейхскомиссара, что Пангерманский союз – одна из опаснейших для республики организаций. Ожидали его запрета на территории всего государства, однако эти опасения не подтвердились – на судебном заседании 26 января 1923 г. обвинения в адрес союза были сняты [9, S. 507].

Класс позиционировал себя как политического эксперта, который наблюдает за происходящим и направляет его течение, в качестве некоего «серого кардинала». Однако очевидно, что его организационное, финансовое и политическое влияние явно переоценивали как современники, так и он сам.

В связи с прекращением пассивного сопротивления политике держав-победительниц правительством Штреземана 26 сентября 1923 г. положение в стране обострилось. Экономика была истерзана гиперинфляцией, безработица приняла катастрофический характер. Германия дышала на ладан, но этого никак не желали признать правые силы. В Баварии протест против прекращения борьбы за Рур выразился во введении чрезвычайного положения. Генеральным штаатскомиссаром был назначен правый политик Густав Риттер фон Кар, который получил чрезвычайные полномочия. Совместно с шефом земельной полиции Гансом Риттером фон Зейсером и командующим рейхсвером Отто фон Лоссовым он планировал принести националистическую диктатуру из Мюнхена в Берлин, установив ее в форме директории – без Гитлера и Людендорфа. Для осуществления данных планов ему требовалась поддержка северогерманских сил, стремившихся к изменению республиканской

конституции. Среди представителей этих сил был и Класс [5, S. 324].

Класс, со своей стороны, не договорившись с командующим рейхсвером Зектом, связывал свои надежды теперь с Мюнхеном. Вместе с Паулем Бангом он в октябре 1923 г. приехал в Мюнхен, чтобы обсудить положение с Каром и его единомышленниками. Мюнхенцы говорили о невозможности смены правительства в Берлине без поддержки военных. Были раскрыты планы установления директории, среди членов которой назывались Зект, промышленник Фридрих Мино и Генрих Класс. Класс позднее дистанцировался от этих планов, подчеркнув, что является сторонником идеи «чистой диктатуры», т. е. прихода к власти одного диктатора. Договориться не удалось [Ibid., S. 326].

Между тем мюнхенский триумvirат, сомневавшийся в поддержке Зекта, не спешил с началом активных действий. Гитлер, почувствовавший отдаление триумvirата, форсировал ситуацию, и 8 ноября разразился пивной путч.

Во время судебного процесса над предводителями путча в начале 1924 г. защита стремилась доказать существование длительных приготовлений к захвату власти в Северной Германии, и эти приготовления напрямую связывались с именем Класса. На заседаниях председательствовал судья Георг Нейтард, симпатизировавший националистическим кругам. Он не горел желанием подробно исследовать закулисные путчи. Так что Классу удалось остаться в стороне. Он ходатайствовал об амнистии для Гитлера перед Каром, сожалея, что Гитлер выступил преждевременно, стал политическим трупом. Он отдавал должное «благородной цели», к которой стремился будущий фюрер, но совершенно не рассматривал Гитлера в качестве такового [Ibid., S. 329].

Гитлер не обнаружил заинтересованности в новой встрече с Классом. В появившейся в 1925 г. книге «Моя борьба» он ни словом не упомянул Пангерманский союз, что с неудовольствием отметил Класс [10].

На процессе Гитлер взял всю ответственность на себя, использовал зал суда для популяризации своей деятельности – он позиционировал себя как политик, который, в отличие от других, не только говорит, но и действует. В сочетании с мягким приговором (5-летним сроком заключения с возможностью досрочного освобождения) это принесло ему широкую популярность и укрепило его позиции. Позднее Класс отдал дань этой тактике.

Класс стремился избежать предъявления обвинений в антигосударственной деятельности. Тем более чувствительным стал для него удар, обрушившийся незадолго до начала мюнхенского процесса, когда в январе 1924 г. против него было выдвинуто обвинение в организации убийства Зекта. Оно прозвучало от

состоятельного обладателя химической фабрики и одного из ведущих представителей NSDAP в Аугсбурге, Готфрида Гранделя. Грандель был арестован по подозрению в подготовке покушения на командующего рейхсвером [5, S. 330]. Враждебность Класса по отношению к Зекту была хорошо известна в правых кругах. Его фигура стояла на пути осуществления планов установления диктатуры в Германии.

Заявление Гранделя, что Класс является непосредственным разработчиком плана убийства Зекта, вызвало широкий резонанс у общественности. Сенсационным стал и вызов Класса после этих обвинений в суд. Однако он был вызван в суд как свидетель благодаря в основном благоволению руководителя политического отдела берлинского полицей-президиума Бернарда Вейса, а также благодаря судье Максиму Нотману. Позднее оба они преследовались нацистами как евреи. Вейс был вынужден оправдываться на 60 процессах, организованных по указанию Геббельса. В 1933 г. ему удалось бежать из страны. Нотман погиб в Аушвице [Ibid., S. 332]. А пока же двое граждан Германии иудейского вероисповедания помогли антисемиту Классу избежать ответственности за антиправительственную деятельность.

Нотман даже позволил Классу лично встретиться с Гранделем, причем последний принес советнику извинения и отказался от всех обвинений. Позднее он был признан невменяемым. Таким образом, Классу удалось избежать обвинения в подготовке убийства Зекта, однако Грандель сообщил также о встречах председателя Пангерманского союза с Зектом в течение 1923 г. и об обсуждении с ним устранения республиканского правительства и установления диктатуры. Класс отверг это обвинение, несмотря на показания самого Зекта, подтвердившего данный факт. Однако никаких доказательств собрано не было, и суд так и не привлек Класса в качестве обвиняемого. В целом, оба процесса ударили по авторитету Класса в правых кругах и ухудшили отношения между Пангерманским союзом и NSDAP.

Против Класса выдвигались обвинения в антигосударственной деятельности и в 1926 г., на протяжении 17 месяцев шло разбирательство, однако в итоге вердикт был оправдательный: доказательств незаконных действий против республики государственное обвинение не нашло [Ibid., S. 338–358].

В это время Класс делает ставку на устранение республики легальными средствами, через парламентскую деятельность DNFP. В октябре 1928 г. председателем этой партии был избран давний друг и соратник Класса Альфред Гугенберг, под влиянием которого политический курс DNFP принял крайне антиреспубликанский и антидемократический характер. Класс полностью поддерживал эти установки. Стремясь укрепить позиции DNFP, он агитировал в

пользу Гитлера, отмечая национал-социалистов в качестве важнейших союзников в борьбе против веймарской системы. Эта позиция отражена в появившемся в 1925 г. переиздании знаменитой брошюры Класса «Если бы я был кайзером», прослеживалась в частных беседах и публицистической деятельности председателя Пангерманского союза.

В начале 1929 г. Класс и Банг зондировали почву для переговоров между Гугенбергом и Гитлером об участии NSDAP в основанном по инициативе Стального шлема еще в октябре 1928 г. движении за изменение имперской конституции. Речь шла, прежде всего, о расширении властных полномочий рейхспрезидента [11]. Однако Гитлер в апреле 1929 г. ответил отказом, что крайне болезненно было воспринято Классом.

Ситуацию изменило обнародование содержания плана Юнга – нового плана взимания репарационных платежей с Германии. Он ослаблял контроль держав-победительниц над немецкой экономикой, декларировал досрочный вывод войск союзников из Рейнской области, на ближайшие несколько лет несколько уменьшался объем репарационных выплат Германии. Это был явный успех правительства Мюллера, однако правая оппозиция оценивала его иначе. Их критика была направлена, прежде всего, на невыносимый объем долга Германии союзникам – в 115 миллиардов рейхсмарок, выплаты которого предусматривались до 1988 г. Класс призвал к бескомпромиссной борьбе против порабощения трех поколений германского народа и к объединению всех национальных сил.

Гугенберг пригласил лидеров национальных союзов на заседание 9 июля 1929 г. в прусской палате господ, где был образован Имперский комитет народного ходатайства против плана Юнга и лжи о военной ответственности. В президиум комитета были избраны ведущие фигуры участвующих группировок, наряду с Классом там оказались Альфред Гугенберг и Мартин Шийле (DNFP), Франц Зельдте и Теодор Дюстерберг (Стальной шлем), Адольф Гитлер (NSDAP), Константин фон Гебзаттель (Пангерманский союз), промышленник Фриц Тиссен [5, S. 369].

Функции Класса не сводились к привычным темным манипуляциям, Гугенберг поручил ему разработку законопроекта о референдуме. Борьба против плана Юнга выступала в качестве предлога для борьбы за более глубокие изменения – свержение парламентской демократии законными средствами. В этом законопроекте содержался параграф, согласно которому внешняя политика имперского правительства квалифицировалась как государственная измена и в случае одобрения германской стороной плана Юнга рейхсканцлер, рейхспрезидент и депутаты должны были нести ответственность перед судом.

Этот параграф вызвал ожесточенные споры в комитете, ряд организаций считал его направленным против Гинденбурга. Класс поддержали Гугенберг и Гитлер. В прошедшем референдуме приняло участие 15 % избирателей, т. е. юридически он не состоялся. Следующим ударом для пангерманцев стала ратификация президентом плана Юнга в марте 1930 г.

Результатом жесткой бескомпромиссной позиции Гугенберга стал раскол DNFP. Партию покинули представители умеренного течения, и на выборах в рейхстаг в сентябре 1930 г. она потеряла значительное количество мест. NSDAP, напротив, после выборов образовала вторую по численности фракцию и вдвое превзошла DNFP. На окружных выборах 1929/30 гг. нацисты смогли существенно укрепить свои позиции в Саксонии, Тюрингии, Брауншвейге и Бремене. Не учитывая это изменение в расстановке сил, Класс призывал на съезде Пангерманского союза 1930 г.: «Не Гугенберг или Гитлер, а Гугенберг и Гитлер!» [12]. Отношения между двумя фракциями в рейхстаге Класс оценивал как неудовлетворительные. Между тем Гитлер взял курс на дистанцирование своего движения от пангерманцев: в начале 1930 г. в NSDAP было запрещено участие в иных политических организациях.

Отношение Класс к Гитлеру и национал-социалистическому движению было двойственным: он ценил пропагандистские успехи, способность мобилизовать массы и безудержную силу национал-социалистов. В то же время он не мог принять собственные Гитлеру беспечность, несдержанность, субъективизм, поспешность в принятии решений и неуравновешенность. Отсутствие хороших манер и отказ от данных обещаний, с точки зрения Класс, не могли позволить Гитлеру стать серьезным политиком. Однако соотношение сил между ними существенно изменилось по сравнению с началом 1920-х гг.

На выборах 1932 г. Класс призвал пангерманцев голосовать за NSDAP, так как у нее были шансы составить большинство в рейхстаге. Однако переговоры NSDAP с партией Центра в середине августа 1932 г. о формировании коалиционного кабинета парламентского большинства Класс оценивал как «смехотворную попытку» свергнуть этот кабинет. Однако все эти кулуарные рассуждения утонули в крови уличного террора между правыми и левыми экстремистскими союзами, террора, который развернулся летом 1932 г., и только тогда к Классу пришло осознание того, что «деятельность Гитлера и его партии представляет опасность для жизни нашего народа...» [13]. В середине октября 1932 г. Класс в открытом письме к членам Пангерманского союза провозгласил разрыв с NSDAP и призвал не поддерживать нацистов на выборах в ноябре.

ADF можно рассматривать в качестве одного из предшественников NSDAP не только с идеологической точки зрения, но и в силу присутствия среди национал-социалистов недавних пангерманцев. Так, одним из инициаторов создания Пангерманского союза выступал Теодор Райсмманн-Гроне, на котором лежит существенная доля ответственности за радикализацию организации, ее превращение в «национальную оппозицию». Он способствовал распространению расистского антисемитизма в правящих кругах союза и концентрации экспансионистских планов на европейском континенте. Он агитировал не за захват колоний где-то в Тропической Африке, а за завоевание жизненного пространства в Европе и за объединение германской расы. Уже здесь прослеживается некоторая аналогия с концепцией жизненного пространства Адольфа Гитлера. Однако если у последнего речь идет о натиске на восток, то Райсмманн-Гроне предпочитал аннексию на западе империи [2, S. 413].

Будучи шеф-редактором и издателем, он активно способствовал популяризации агрессивных идей и целей пангерманцев. Его «Рейнско-Вестфальская газета», выходившая в Эссене, являлась крупнейшим фелькишским изданием на западе империи. Несмотря на то что газета насчитывала лишь 10 тысяч подписчиков, она имела большое влияние в обществе — среди подписчиков было много учителей и преподавателей вузов, журналистов, которые закрепляли пангерманские идеи в общественном сознании.

После первых симпатий, которые вызвала у Райсмманна-Гроне новая демократическая форма правления, он перешел на сторону правой оппозиции и фелькишских партий. Уже с 1922 г. его газеты рассказывали о NSDAP и Германской фелькишской свободной партии (DFFP) и призывали читателей голосовать за них. Кроме того, Райсмманн-Гроне участвовал в создании Эссенской группы NSDAP и оказывал ей финансовую и идеологическую поддержку. В нацистском движении его привлекала не только созвучность идей, но и готовность действовать, переходить от слова к делу. Именно они, с точки зрения издателя, могли способствовать расовому возрождению германского народа. NSDAP боролась против евреев-марксистов и могла перетянуть массы на свою сторону [2, S. 415].

Когда нацисты добились крупного успеха на выборах в сентябре 1930 г., Райсмманн-Гроне окончательно сделал ставку на NSDAP и Гитлера, с которым он в это время неоднократно встречался. Как и другие представители старой правой элиты, он надеялся подчинить Гитлера своему влиянию и использовать его в качестве тарана на собственном пути к власти. Но надежды эти не оправдались. Напротив, Гитлер извлек максимальную пользу из контактов Райсмманна-Гроне с рурскими промышленниками, чтобы рас-

ширить финансирование нацистской прессы и получить признание со стороны правых изданий. Первые разногласия обозначились летом 1932 г., когда Гитлер устранил связанное с крупным бизнесом правительство Папена и устремился к единоличному господству. Предприниматели вдруг обратили внимание на социалистические тенденции внутри NSDAP, и слишком влиятельный рейхсканцлер Адольф Гитлер стал вызывать недоверие.

Эту позицию крупного бизнеса Райсманн-Гроне не поддержал и в знак протеста подал в отставку с поста редактора ряда газет. Его с полным правом можно назвать пособником прихода Гитлера к власти. Он стал первым нацистским обер-бургомистром Эссена и без устали трудился, созидавая «Третий рейх». Он дискредитировал своих политических противников и евреев в прессе, используя служебные полномочия, лишал их работы и добивался выселения. В 1937 г. он ушел с поста обер-бургомистра в связи с открывшейся аферой со взиманием налогов. После этого он дистанцировался от нацистского режима, отмечая, что роль пангерманцев в третьем рейхе недостаточно оценена.

Еще одним связующим звеном между ADF и NSDAP стал Пауль Банг. Банг принадлежал к правому крылу DNFP и входил в окружение Гугенберга и Класса. После захвата власти нацистами Пауль Банг с 4 февраля 1933 г. по 30 июня 1933 г. был государственным секретарем в Министерстве экономики и заместителем Гугенберга в первом кабинете Гитлера. В рейхстаге, который потерял свою значимость в эпоху национал-социализма, Банг оставался до конца Второй мировой войны. С 1933 г. он проходил по избирательным спискам нацистской партии и первоначально упоминается в качестве гостя фракции NSDAP. В Третьем рейхе он все еще выполнял некоторые функции в бизнесе: был председателем Консультативного совета нескольких крупных берлинских промышленных предприятий и совета немецкого Всемирного экономического общества (DWG).

Тесно связан с нацистами был и один из видных пангерманских публицистов Эрнст цу Ревентлов. Он являлся выдающимся представителем DFFP и в соответствии с ее тактической линией сначала выступал ярким противником нацистского принципа фюрерства; Адольфа Гитлера после его попыток достичь согласия с баварским правительством он обвинил в «ультрамонτανстве» и окрестил «карманным Наполеоном». Во внешней политике Ревентлов резко критиковал курс Штреземана.

На выборах в рейхстаг в мае 1924 г. Ревентлов получил мандат в парламенте в качестве члена Национал-социалистической свободной партии, стоявшей с одним списком с DFFP (Немецкой народной свободной партией). В ее организационной структу-

ре Ревентлов был ведущим представителем социал-революционного направления, которое выступало с программой, ориентированной на рабочих, и призывало к участию работников в наблюдательных советах и в прибыли корпораций. После того, как Ревентлов не смог одержать победу с этими идеями в партии, он вышел из нее в феврале 1927 г. и вскоре вступил в NSDAP, которой помог укрепить позиции, особенно в северной Германии. Свои предыдущие высказывания против Гитлера он публично взял назад. Его мандат в рейхстаге сохранился и после захвата власти нацистами, в списке NSDAP он числился до 1938 г. В рамках NSDAP Ревентлов выступал последователем Штрассера; после его убийства во время «путча Рема» в 1934 г. он оказался в партии в растущей изоляции [14, S. 115].

В 1937 г. он стал членом консультативного совета научно-исследовательского отдела «еврейского вопроса» в Имперском институте истории Новой Германии, возглавляемом Вальтером Франком. Он также был редактором антисемитского журнала «Борьба за мир», издававшегося окружением Альфреда Розенберга, в Институте по изучению еврейского вопроса. Ревентлов также являлся одним из ведущих авторов на ранних этапах существования «Нацистского ежемесячника» [15, S. 508].

Это наиболее яркие и вовсе не единичные примеры участия пангерманцев в национал-социалистическом движении. Выйдя из вильгельмианской эпохи, они пытались сохранить место в политическом ландшафте веймарской республики, разрушить ее и реализовать свои стратегические цели. Они использовали все возможности для разжигания реваншистских настроений в обществе, переживавшем позор Версальского мира, и в значительной степени способствовали оформлению не только идейных, но и организационных контуров национал-социализма. Однако полностью интериоризироваться в нацистском режиме им не удалось – послевоенное поколение националистов вытеснило пангерманцев на периферию политической жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Deutsche Arbeiter – und Angestellten Partei // Lexikon zur Parteiengeschichte. Bd. 1. – Leipzig : VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1983. – S. 57–65.
2. Frech S. Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann-Grone : ein völkischer Nationalist (1863–1949) / S. Frech. – Schöning, 2009. – 463 S.
3. Claß H. Wider den Strom. Vom Werden und Wachsen der nationalen Opposition im alten Reich / H. Claß. – Leipzig : Verlag von K. F. Kochler, 1932. – 322 S.
4. Maser W. Der Sturm auf die Republik. Frühgeschichte der NSDAP / W. Maser. – Frankfurt am Main : Ullstein, 1981. – 524 S.

5. *Leicht J.* Heinrich Claß 1868–1953 : die politische Biographie eines Alldeutschen / J. Leicht. – Paderborn ; München [u.a.] : Schöningh, 2012. – 463, [8] S.

6. BArch R 8048/448, Fol. 21.

7. *Kruck A.* Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890–1939 / A. Kruck. – Wiesbaden : Steiner, 1954. – 258 S.

8. Roeder an OG Esslingen, 15. Januar 1924, BArch R 8048/210.

9. *Hering R.* Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939 / R. Hering. – Hamburg : Christians, 2003. – 600 S.

10. BArch R 8048/448, Fol. 25.

11. Claß an Hugenberg, 16. März 1929, BArch 8048/189.

12. BArch R 8048/231.

13. Alldeutsche Blätter, 15. Juli 1932.

14. *Breuer S.* Die radikale Rechte in Deutschland. 1871–1945, eine politische Ideengeschichte / S. Breuer. – Stuttgart : Reclam, 2010. – 518 S.

15. *Lilla J.* Statisten in Uniform : Die Mitglieder des Reichstags 1933–1945. Ein biographisches Handbuch. Unter Einbeziehung der völkischen und nationalsozialistischen Reichstagsabgeordneten ab Mai 1924 / J. Lilla, M. Döring, A. Schulz. – Droste, Düsseldorf, 2004. – 518 S.

Воронежский государственный университет
Солодовникова С. В., кандидат исторических наук,
доцент кафедры истории зарубежных стран и восто-
коведения

E-mail: solodovnikova_sv@mail.ru

Тел.: 8 (473) 224-75-10

Voronezh State University
Solodovnikova S. V., Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Foreign Countries History and
Oriental Studies Department

E-mail: solodovnikova_sv@mail.ru

Тел.: 8 (473) 224-75-10